

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ценностное измерение права — важная и значимая проблема постклассической юридической науки. Сегодня можно утверждать, что основной тенденцией развития современной (постклассической) философии права как раз и является акцент на ценностном измерении правовой реальности — включении ценностей в контекст и имманентности бытия права. Каким образом? Об этом будет сказано ниже. Сейчас же попробуем разобраться в том, что же такое ценности с позиции постклассической философии и изменяются ли они в постсовременном мире?

Полагаю, что перечень фундаментальных ценностей остается неизменным, однако само представление о том, что такое ценности и их содержание, значительно трансформируется. Ценности — это не сами по себе блага как некая объективная данность, а процесс и результат оценивания (предпочтительности) чего-либо. Такой процесс и результат обусловлен как оценкой ситуации (контекста), так и ценностными предпочтениями, сложившимися у индивида в процессе социализации. А эти ценностные ориентации, в свою очередь, зависят от места индивида в системе социальных статусов и наличного символического капитала, имеющегося в его распоряжении.

Ценности в эпоху постмодерна релятивны, контекстуальны и изменчивы. Они зависят от актуализации социальных проблем. Так, в 2005 году Р. Инглхарт и К. Вельцель утверждали, что процесс модернизации (или постмодернизации) сопровождается резким снижением ценности выживания и ростом ценности самовыражения². Однако У. Бек убеждает: «Примат самосохранения, не зависящего от влияния моды, есть первое благо человечества»³. Полагаю, что «общество глобального риска» не отказывается от ценности выживания, но преобразует ее содержание. Особенно это относится к новой превентивной политике, активно формирующейся в конце XX — начале XXI века в развитых западных странах. Признавая, что любые прогнозы будущего всегда вероятностны, новая превентивная политика предполагает принятие «мер предосторожности даже в том случае, когда риск еще не явил себя в полной мере — в этом заключается сущ-

ность принципа предосторожности, который лежит в основе англо-американской модели предупреждения преступности», «центральными категориями и инструментами которой становятся пред-преступление и пред-наказание, а не традиционные механизмы уголовной ответственности, ресоциализации и социальной превенции»⁴. Таким образом, когда на повестку дня выносятся проблема терактов или угроза пандемии, ценность выживания актуализируется и выходит на первый план в ценностных ориентациях большинства населения. В ситуации же относительной стабильности на первое место возвращается ценность самовыражения, которую сторонники теории модернизации поспешили универсализировать.

Вернемся к вопросу о роли ценностей в правовой реальности. Ценности, с моей точки зрения, выступают важным элементом источника права и механизма воспроизводства права. Поясню эту мысль. Реальность существует как знаково-символическая реальность, а потому ценности имманентны ей. Нет безоценочной объективной информации, по крайней мере, в социальном (и правовом) мире, как и нет объективных социальных процессов и явлений: она (информация) всегда оценивается с позиций ценностей, как и социальные феномены. Такой механизм оценивания лежит в основе выработки правовой инновации и традиционного воспроизведения правопорядка — источника права в социологическом смысле. Внешние факторы, несомненно, влияют на выработку правовой инновации и ее последующую легитимацию как воспроизводство (без которой источник права произведет «мертворожденную» статью нормативного правового акта). Но эти внешние факторы сами по себе не изменяют правовую реальность: такие изменения происходят только при интериоризации внешних факторов в правосознание, правовую культуру.

В социальном мире — выскажу эпатазирующую, возможно, кого-то мысль — нет причин в классическом смысле слова как факторов, неизбежно порождающих конкретное следствие. Место причин занимает мотивация, которая всегда избирательна и вероятностна: всегда можно выбрать как минимум два варианта поведения. А содержание мотивации определяется ценностными диспозициями и ситуацией (контекстом). При этом ситуация (контекст) оценивается с позиций ценностей, интересов, потребностей актора. В этом смысле ценности входят в психический аспект механизма правового регулирования, о чем подробно и обстоятельно писал Г. В. Мальцев: «...полная и неискаженная картина правового регулирования в обществе может быть составлена на основе познавательного материала, добытого в результате *научного, нормативного и ценностного постижения юридической действительности*»⁵.

¹ Профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 470 публикаций, в т. ч.: «В поисках теории права» (в соавт.), «Актуальные проблемы прокурорской деятельности: теория прокурорской деятельности в системе наук» (в соавт.), «Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы» (соавт. и соред.), «История и методология юридической науки», «Постклассическая онтология права», «Социокультурная антропология права» и др.

² Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2005. P. 12.

³ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / пер. с нем. А. Б. Григорьева. В. Д. Седельника ; послесл. В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. М. : Прогресс-Традиция : Издат. дом «Территория будущего», 2007. С. 333.

⁴ Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: Критический анализ : моногр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 346.

⁵ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 76.

И далее: «в обществе идет непрерывный процесс взаимообогащения целей и норм, к которому прямое отношение имеют социальные и нравственные ценности. Они придают целям и нормам особую значимость, делают их привлекательными для людей, дают нужные критерии оценки и измерения нормативных и целевых регуляторов. Цели и нормы всегда имеют некоторую ценность, она может время от времени повышаться или снижаться, причем соответствующие колебания в нормативной и целевой сферах происходят, как правило, согласованно и синхронно. ... Мера ценности, присущая целям, может быть распространена и на средства достижения данных целей не в том смысле, что „цель оправдывает любые средства“, а в том, что цель требует средств, адекватных ее ценностному значению. При выборе между равноценными и неравноценными целями действий субъектов права роль оценочного критерия выполняют цели права, юридических институтов и норм. В целом же взаимосвязи между нормами и целями (и ценностями) в праве образуют, если можно так сказать, клубок хитросплетенных нитей, разнонаправленных связей, своеобразно переплетающихся и сочетающихся в различных точках правового пространства и времени»¹.

Специфика постсовременного общества (или общества «высокого модерна», «второго модерна») состоит в перманентном риске, в снижении ощущения общественной безопасности. Но изменение содержания ценностей связано не только с этим. «Государственно-бюрократически-юридические притязания технической цивилизации всегда включали требование контроля за последствиями и опасностями новых технологий», — пишет немецкий социолог. Однако в обществе «второго модерна» (по его терминологии) появляются и все больше распространяются самоконтролирующиеся, недоступные для человеческого вмешательства открытые технологические системы, в которых проявляется «двойственность технической цивилизации: с одной стороны, эти системы совершенствуют меры общественной безопасности; с другой стороны, они открывают для риска непредсказуемые возможности — прежде всего относительно нового качества сложности и контингентности. Таким образом, осуществляется переход к открытым, самоконструирующимся системам, способным приспосабливаться к условиям, которые в своей сложности и многоаспектности меняются с быстротой, недоступной для человеческого вмешательства». Отсюда возникает важнейший парадокс власти эпохи «второго модерна»: «... именно та власть и те ее признаки, которые создают новое качество безопасности, обуславливают в то же время меру *абсолютной бесконтрольности*. Чем совершеннее последствия, интегрированные в технические системы, тем очевиднее и окончательнее утрачивается наш контроль над ними. Все попытки технически минимизировать или устранить риски умножают неуверенность, в которую мы свержаем мир»². Отсюда делается общий вывод: «Мировое общество риска, таким образом, является эпохой цивилизации, в которой решения, касающиеся жизни

не только нынешнего, но и последующих поколений, принимаются на основе сознательного незнания»³.

В то же время следует прислушаться к другому выводу ученого: «Еще в большей мере, чем при исчисляемых рисках, при непредсказуемых опасностях решающую роль в определении того, что должно рассматриваться как риск и кто несет за это ответственность, играют культурные оценки и стереотипы. <...> Не из одобрения решений, а из неодобрения их непредвиденных последствий возникает и распространяется поверх национальных границ, становясь достоянием мировой общественности, дискурс, глобальное представление о ценностях и нормах, а также требование взаимосвязанной деятельности»⁴. Таким образом, глобальное общество риска сопряжено с онтологической и гносеологической неопределенностью как визитными карточками постсовременности. Поэтому сегодня признается невозможность рассчитать последствия любого более или менее сложного социального действия, какой-либо реформы. Ограниченность наших знаний и неопределенность мира вынуждают отказываться от идеи «законодательного разума» науки, от фигуры «юридического Геркулеса» (в терминологии У. Блэкстона, использованной без ссылок на оригинал Р. Дворкиным), который выносит исключительно справедливые, научно обоснованные решения по самым трудным юридическим делам. В такой ситуации приходится полагаться, как это ни парадоксально, на веру в справедливость выносимого решения, исходящего от официальной инстанции. Об этом писал еще в 1990 году Э. Гидденс: рост рациональности в обществе «второго модерна» не сопровождается увеличением уверенности, а, наоборот, приводит к снижению достоверности знаний о социальном мире. В науке сегодня ничто не может быть достоверным и доказуемым, поэтому развитие научных знаний не приводит к росту контроля над социальными проблемами»⁵. Поэтому приходится все больше доверять «абстрактным системам», безличностным принципам. Эти принципы основаны на ценностях, которые их — принципы — конституируют.

С другой стороны, ценности эпохи постсовременности не только релятивны, контекстуальны и изменчивы, о чем уже упоминалось выше, но и локальны (или фрагментарны). Сегодня невозможно содержательно обосновать универсальные «общечеловеческие» ценности. Это не отрицает «общечеловеческого» характера, например, ценности выживания или самореализации, которая выступает двумя полюсами — либеральным и традиционным — в системе ценностей, провозглашаемой большинством современных теоретиков. Но конкретное их содержание и особенно ценности, находящиеся между этими полюсами, не только исторически, но и социокультурно обусловлены. Разные социальные и культурные группы, проживающие на территории одного государства, сегодня проповедуют если не противоположные, то как минимум значительно различающиеся ценности. А разные ценности

³ Бек У. Указ. соч. С. 153.

⁴ Там же.

⁵ Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, California : Stanford Univ. Press, 1990. P. 55, 60.

¹ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 702–703.

² Бек У. Указ. соч. С. 152.

являются важным элементом механизма воспроизводства права и положены в основу обычного права, которым конкретизируются все нормы права: не только материальные, но и процессуальные. Таким обра-

зом, локализация и фрагментаризация конкретного содержания правовых ценностей — еще одна проблема постсовременного права и теории права, нуждающейся в научном осмыслении.